

ЦЕНА 35 КОП

Н. САКОНСКАЯ

АЛИ и АРУСЬКА

рисунки Е. Зерновой

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1931

RAYONAS H

c
33792

14785
Н. САКОНСКАЯ

С156

А Л И И А Р У С Ъ К А

РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ БАКУ

Р И С У Н К И
Е. ЗЕРНОВОЙ

О Г И З — „М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я“
МОСКВА 1 9 3 1 ЛЕНИНГРАД

Библиографическое описание этого
издания помещено в Литолесу
Украинского Друж. Мартовом
репертуаре и других указателях
Украинской Книжной Тавлы.

РЕБЯТА!

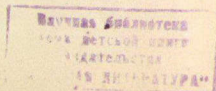
Напишите свое мнение об этой книжке в Государствен-
ное издательство детской и юношеской литературы „Мо-
лодая гвардия“.

Письма можно послать без марок.

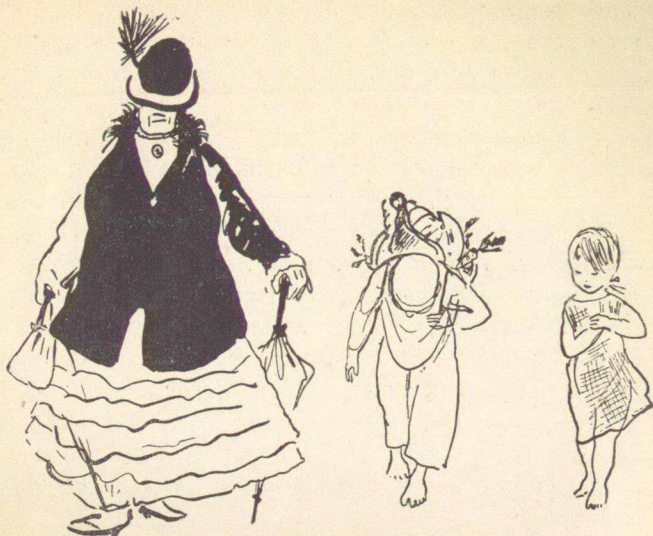
Наш адрес: Москва. Новая площ., 5/8 „Молодая гвардия“.

Главлит № 13571 (567).
6-я типогр. УИИ ДВОУ.
Киев, Сенная площ., 14.
Зак. № 2712. Тир. 10.000
3 п. л.

299197

Али и Аруська

Я расскажу вам одну небольшую историю, которая случилась на Кавказе много лет тому назад. Это история веселой и смелой Аруськи и маленького амбала¹ Али. Это очень простая и даже грустная история. Я хорошо знаю ее, и мне хочется вам ее рассказать.

I

Дымный и пыльный город Баку. Весь он пропах нефтью; мутное от копоти небо нависло над ним. Мазутные лужи чернеют посреди его фабричных дворов, и жаркое солнце купается в них. Баку продувают морские ветры, а весною в поле, за

¹ Носильщика.

„Волчьими воротами“, зацветают яркие маки; ну, и что ж?! И весной, и летом, и осенью Али всегда на работе, маленький, темнолицый амбал Али, которому едва минуло девять лет.

— Эй, Али, вставай, на работу пора! Тебя не разбудить, так ты проспишь до завтрашнего восхода!..—так каждое утро говорит старый Вафа, который бывает то очень добрый, то совсем злой, смотря по тому, сколько абазов¹ принесет ему вечером Али.

— Эй, Али, надевай шапочку, забирай зимбиль²!.. Идем, пора!..

Так по утрам кричит черномазая Аруська; она бежит через весь двор, заспанная и веселая, заплетая на бегу жесткие косички, и дети, взявшись за руки, чтобы легче было идти против ветра, направляются к базару. Там Али все утро будет таскать тяжелые зимбили с провизией на дом за пятак, всего за пятак с зимбиля.

А потом, когда из Астрахани придет большой пассажирский пароход, Али пойдет работать на пристань. Правда, пассажиры там за свою кладь платят дороже, но зато и тяжела же эта кладь, ох, как тяжела!..

Морские ветры продувают Баку, и красные маки рдеют в полях, а по улицам ходят, звеня бубенцами, важные верблюды, и бритые загорелые ребятишки играют в альчики³; и Аруська могла бы хоть целый день бегать с ними: ведь за нее работают ее старшие братья, а старая бабка Айкануш обшивает, обмывает и кормит ее. Но разве Аруська пойдет в поле одна, без Али, и разве станет она играть без него в альчики или глядеть на верблюдов? Нет, лучше она поможет Али в работе потому, что тяжелы чужие зимбили на плечах, и еще потому, что нет у Али друга верней, чем Аруська.

¹ Двадцать копеек.

² Соломенный мешок, заменяющий корзинку.

³ Бабки.

II

Свирепый дует сегодня норд¹. Как зверь, набрасывается на прохожих, сшибает шапки, заносит пылью глаза. На базаре вокруг Али и Аруськи снует, толчется, торгуется народ. Высоко на своих огромных колесах поскрипывают арбы² с арбузами, в жаровнях трещат каштаны.

А на лотках пестреют груды плодов и овощей, дымятся горячие чуреки, на голубых дверях лавок висят громадные бараньи туши, и толстый грузин Датико, в белом фартуке, весело зазывает из-за своего прилавка:

Кувас, кувас!
Угощаем вас!

— Эй, ада³, понесешь?—Толстая барыня останавливает Али.

Барыня в зеленой широкой юбке, с серыми перышками на шляпе, похожа на растрепанный пучок салата, корешками вверх. Она долго торгуется с Али из-за пяточка, и в раскрытый зимбиль градом сыплются яблоки, айва, перец, помидоры и шлепается жирная баранья нога. Барыня отходит на минутку, возвращается с огромным полосатым арбузом — и вот уже арбуз громоздится на самой верхушке.

— Ого, да этакая кладь впору хорошему ослу!—смеется прохожий, глядя на маленького амбала, а барыня впихивает в зимбиль еще жестянку с томатами и рассовывает по уголкам зернистые кочерыжки кукурузы.

— Стой, Али!—кричит Аруська и хлопает рукой по зимбилю.— Тут еще осталось для барыни маленькое местечко!

Али не до шуток, он идет молча, низко нагнув шапку. Какие шутки? Веревка от зимбия режет плечо, ветер сыплет

¹ Ветер с песком и пылью.

² Телеги.

³ Окрик.

за шиворот едкую пыль, а из арбузного выреза за шею течет липкая жижица и жжет кожу. Какие тут шутки!..

— Не вешай носа, Али,—говорит Аруська,—зато вечером я подарю тебе свой самый большой и самый красивый альчик..

Т-р-р-а-х-х!

Из жаровни с треском выскакивает каштан. Аруська подымает его, перекатывает в ладонях, дует на пальцы, разламывает и протягивает Али:

— Уф, горячо! Бери скорей!

Каштановая шелуха шуршит в руках у Аруськи, а она идет, напевая песенку:

Каждый день я играю во дворе в альчики,
но сегодня я не буду играть,
потому что мне надо работать...

Потом Аруська оборачивается к Али и говорит:

— Давай понесу. Отдохнешь покамест. — Али останавливается, осторожно сваливает с плеч зимбиль и ахает. Посредине арбуза розовеет маленькая треугольная дыра. Барыня взглядывает в зимбиль и, выпучив глаза, кричит:

— Вот жулики! Отвернись только, весь арбуз слопают!..

Какой там весь! Из арбуза выпал маленький ломтик, да и тот обгрызанный, а куда он девался, кто его знает!

Но барыня не отстает:

— Говори, гололобый, кто вырез съел?!

Тогда у Али глаза делаются жесткими, как камушки, и он говорит твердо:

— Я не го-ло-ло-бый...

Б-б-ац! От барыниного подзатыльника шапка летит с головы Али прямо в пыль... Но тут случается неожиданное. Аруська кидается за шапкой и видит тут же, на земле, маленький розовый ломтик, запыленный, обглоданный. Аруська сует обгрызок

в шапку, подпрыгивает и нахлобучивает шапку на барынины перышки. Али сшибает ногой зимбиль, и оба пускаются бежать. За ними несутся крики: „Караул! Держите!“ и слышатся свистки городского.

III

И у Али, и у Аруськи сильные, ловкие ноги, они быстро несут детей вперегонку с ветром, и все было бы хорошо, если бы не ласточка. Да, да, маленькая острокрылая ласточка, которая перерезала Аруське дорогу. Она испугала Аруську. Аруська шарахнулась в сторону и попала в руки к толстому Датику.

Аруська рванулась изо всех сил, но Датику крепко вцепился в нее жирными пальцами.

И в ту же минуту над городом проревело: „У-у-у-у!!!“ Это подходил к пристани большой пассажирский пароход.

Аруська рванулась еще раз и вдруг закричала громко, точь-в-точь как ее бабка, старая армянка Айкануш:

— Вай, вай, вай, что теперь будет?.. Я же опоздаю на пристань! Сейчас приезжает моя хозяйка, госпожа Хачатурьянц! Кто же ее встретит теперь? Вай, вай, вай!..

Толстяк, услышав имя первой в городе богачки, с испуга присел на корточки; тубетейка съехала ему на затылок, он схватился за нее руками и выпустил Аруську. Аруська изо всех сил толкнула Датику ногою в живот. Толстяк опрокинулся на спину и забарахтался в

пыли. Аруська бегом пустилась к пристани, только за углом оглянувшись на минутку и закричала, передразнивая толстяка:

— Кувас, кувас!
Угощаем вас!

IV

Аруська бежала так долго, что сердце стало прыгать в груди и в горле пересохло, а косички растрепались и хлестали ее по горячим щекам. Но Аруське некогда было остановиться и передохнуть. Какой отдых! Али наверное уже давно на пристани. Кто поможет ему? Он не справится один с работой; он принесет домой один абаз вместо двух, старый Вафа поколотит его и уж, конечно, не пустит вечером играть во двор.

Пусть прыгает Аруськино сердце, как перепуганный воробей, пусть хоть вырвется совсем из груди, лишь бы поспеть, лишь бы...

И вот уж доски пристани закричали под Аруськиными ногами, и огромный белый борт парохода закачался перед ней. Темные волны кипят внизу, как вода в громадном котле.

По узким сходням спешат нагруженные матросы, амбалы, носильщики. Вон среди них Али с ящиком на плечах. Он еле двигается, как буйволенок нагнув голову, весь сгорбившись под тяжестью. Его обгоняет старый амбал, потный, пыльный, совсем придавленный тяжелою ношей.

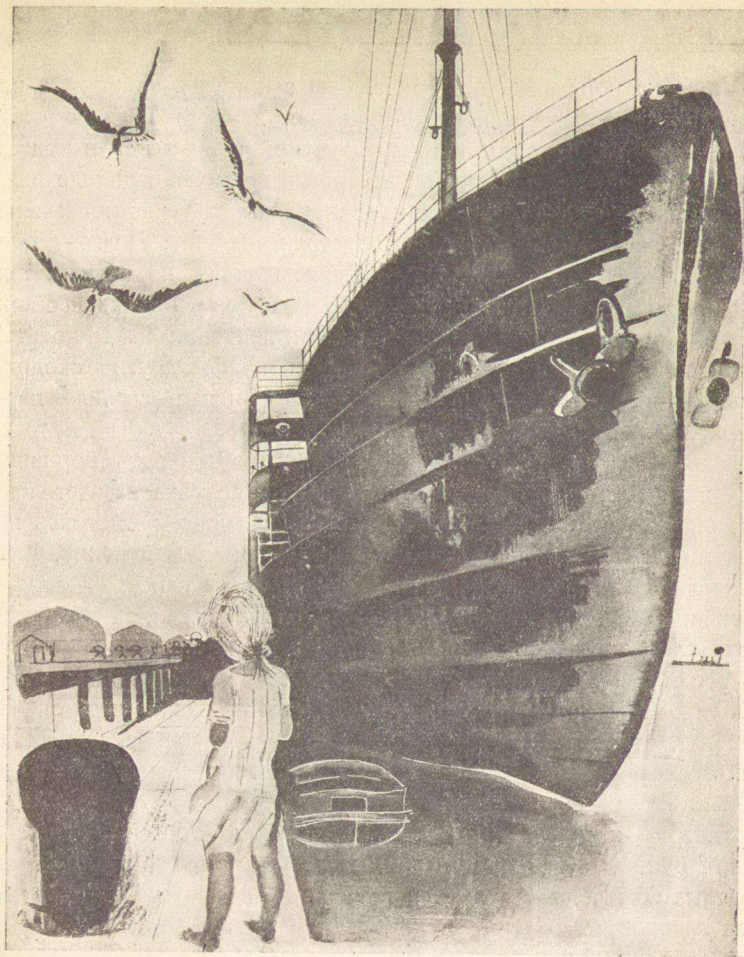
— Эй, амшара¹, посторонись!

Вот амбал толкнул Али сзади тюком. Али покачнулся, ящик сполз со спины. Али хотел было поправить его. Свистя, налетел норд, встряхнул узенькие сходни. Аруська закрыла глаза.

Раздался крик, что-то шлепнулось в воду...

¹ Обидный окрик.

Аруська поняла — Али тонет. Она закричала, заметалась по пристани, подбежала к самому краю, дернула было с себя юбочку, потом раздумала, махнула рукой и прыгнула в воду...

Аруська кинулась спасать Али, но матросы на пароходе знали, что это не так-то легко, и один из них тут же поплыл на помощь, а остальные проворно спустили шлюпку. Долго-долго ветер, словно арбузную корку, швырял шлюпку по волнам, так долго, что матросы на пароходе стали говорить между собой:

— Пропал парнишка, утонет, да и девчонке не миновать!

И еще говорили матросы о том, что нужны другие сходни, с перилами, пошире да покрепче, а то вот видите—свалился парнишка, да и капут...

Вдруг над водою мелькнула черная голова и пять коричневых пальцев уцепились за борт шлюпки. Аруська плавает как уж, она проплыла много метров под водой, совсем выбилась из сил, но не нашла Али. Люди втащили Аруську в шлюпку, чуть живую от усталости. Вода, как из лейки, текла с нее, а жесткие косички обвисли по бокам мокрыми бечевочками, и все-таки Аруська не нашла под водою Али...

На берегу амбал, тот самый, что столкнул Али в воду, колотил себя кулаком в грудь и кричал по-тюркски, что он не виноват, что от тяжелой работы помутилось в голове, а на сходнях теснота, и вот вышла такая беда: потопил баранчука¹, как щенка.

Метрах в двадцати от берега плыл кто-то, сильно гребя одной рукой, и все примолкли, глядя на пловца, и когда он подплыл ближе, все увидели в руке у него мальчика, и это был Али.

¹ Малыша.

Матрос, фырка и отплевываясь, прыгнул в лодку.

— Ишь, гололобый! — легонько шелкнул он Али по макушке. — Хотел за вихор его ухватить, ляжу — ни единого волоска на башке. Пришлось за шиворот вытаскивать. Чисто гололобый...

Кругом все засмеялись. Али, неподвижно лежавший в лодке лицом вверх, зашевелился и открыл глаза.

.....
Пыльный и дымный город Баку. Издали кажется, будто видишь его сквозь закопченное стекло. Но вечерами он становится другим. Полный месяц стоит посреди неба, крупные виноградины-звезды висят над землей, пахнет нефтью и морем, слышится тихий, нерусский говор и сонное чавканье мазута под босыми ребячьими ногами. И тогда каждый скажет, что нет на земле города прекрасней Баку...

Вот я и рассказала вам мою историю. Простую историю о смелой и веселой Аруське и маленьком амбале Али. И мне хотелось только еще раз напомнить вам, что случилась эта история много лет тому назад.

Петух-стерегун

— Кербалай! Ай-балай!..

Две ловкие ноги и две хваткие руки с разбегу вцепились в ветку инжирового дерева и повисли на ней.

В ответ кто-то выстрелил по дереву горстью острых камешков и спрятался в кустах. Большой пестрый петух подошел к дереву, постоял с минутку, прислушиваясь и склонив набок голову, и пошел дальше.

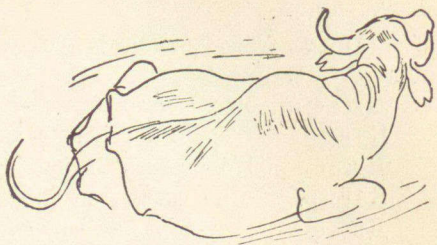
Для того, чтобы узнать, что все это значит, стоит только влезть вот на этот каменный забор и взглянуть направо и налево. Два сада раскинулись по соседству. Один—большой, тенистый, с фонтанами, цветами и виноградником до самого моря. Другой—редкий и плохонький, без всяких затей. Над обоими садами, как огромная тыква, пылает солнце; только в саду поменьше оно разгуливает прямо по бритой мальчишечьей макушке, а в саду побольше уважительно греет щегольскую каракулевою шапочку; в саду поплоче по раскаленному песку бегают босые, загорелые, крепкие ноги, а в хорошем саду—кривые и хилые, но зато в красных чувяках со скрипом, и, наконец, в маленьком саду виноград едят прямо с виноградника, с чуреком и с сыром натошак, а в

большом саду его подают после обеда на широком расписном подносе.

Да, так кто же так ловко повис на ветке инжирового дерева?— Это отчаянный босоногий Джафар. А тот, кто стрелял камешками и трусливо прятался в кустах?— Это благородный и нарядный Багир. А петух, подошедший к дереву?— О петухе... после, а пока не худо бы запомнить, что инжировое дерево растет во все не у Джафара в саду, а у Багира, и только две его ветки, тяжелые, широколистые, перелезли через забор и спустились в бедный Джафаров садок.

Вот Джафар и решил, что ветки эти принадлежат ему, а значит и инжир на них его, Джафаров. (Прав Джафар или нет, решайте сами.)

И вот уж он сидит на самой верхушке, поедает жирные желтые инжирины и распевает во всю глотку:

Кербалай, ай-балай!
Узюм кушай, инжир кушай,
живот совсем
большой ста-ал!..

А враг осторожно выползает из засады, трусливо крадется к дереву и просит сладким голоском:

Багир. Послушай, будь такой любезный, слезай с моего дерева. Будто не слышит Джафар, уплетает себе инжирину.
Багир. Менелюм¹, поджалста, слезай!
Молчание.

¹ Пожалуйста.

Багир. Ты оглох, что ли? Я тебе говорю: слезай с моего дерева!

Джафар. Слезу когда-нибудь.

Багир. Сейчас слезай!

Джафар. Спасибо, мне еще не хочется.

Молчание.

Багир. Эй, ты, хурда-мурда! Если не слезешь, я тебя за ногу стащу.

Джафар. Яваш, яваш¹, руки запачкаешь!

Багир. Я тебя, как жука, на землю стряхну.

Джафар. Подумаешь - испугал!

Багир. Я отцу скажу, он тебя зарубить велит.

Джафар. А я хоруза² напущу, он вас с отцом заклюет.

Багир сжал кулаки:

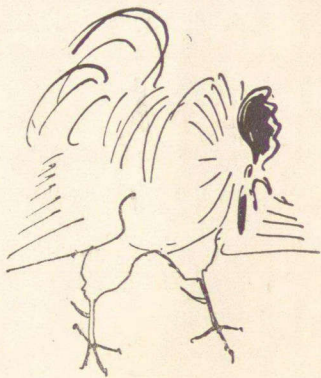
— Чтоб ты пропал со своим хорузом проклятым! Погоди, сверну ему шею когда-нибудь.

„Ку-ка-ре ку!“ — загремело вдруг из Джафарова сада. Да так страшно, что Багиру послышалось: „Прочь, заклюю!!!“ Огромный петух остановился под деревом, грозно выставив острый клюв. Потом взмахнул крыльями, встряхнул гребнем и уже нацелился было взлететь на забор, как Джафар крикнул:

— Хоруз, назад!

И петух послушно, как собака, вернулся под дерево.

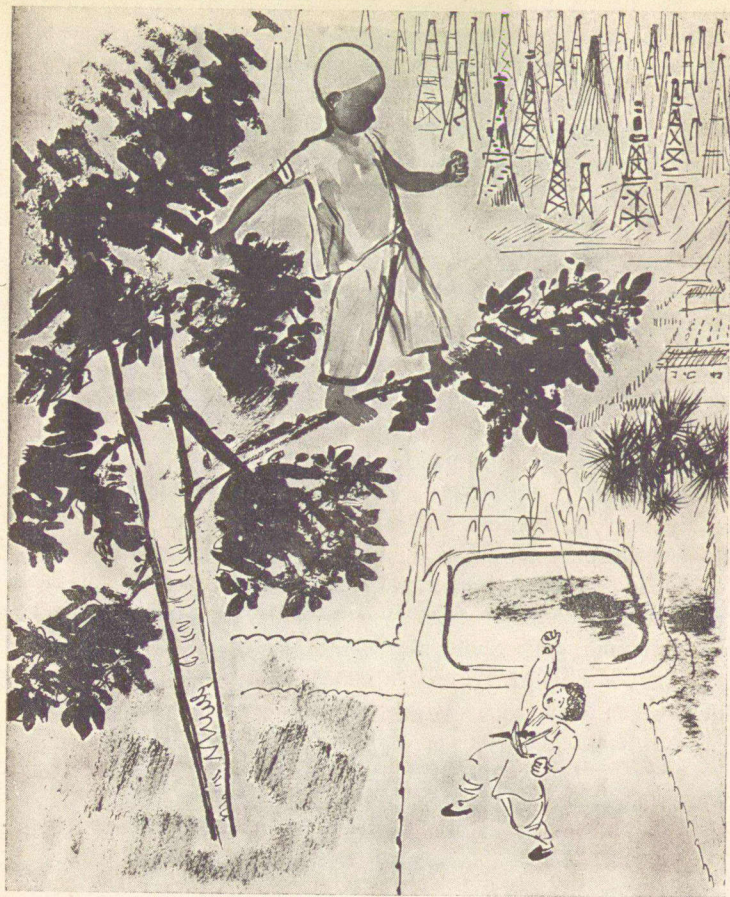
Багир, будто на пружинке, отскочил от забора. Да, Багир-то уж отлично знает, что это за птица такая—

¹ Осторожно.

² Петуха.

хоруз. Его бы на цепи, как пса, держать, а не то не суй и носа в Джафаров сад. Заклюет насмерть. Вот это что за петух! Кажется, все бы отдал Багир за такую диковину. И шапочку новую, и чуяки красные со скрипом, и даже кинжал в серебре — и тот не пожалел бы; да не даст Джафар своего петуха ни за какие тысячи, а другого такого, пожалуй, на всем Каспии не найдешь.

* * *

Вот Джафар и наугощался, сбил последнюю инжирину, подтянул штаны и вниз прыгнул, да еще и языком причмокнул на прощанье:

— Чох-сау! Спасибо!

Багир со злости только плюнул в ответ.

* * *

Если повернуться направо и поглядеть в Багиров сад, то увидишь тутовник¹, вон тот, на котором ягоды черные и крупные, как жуки. Под тутовником спит кто-то, посапывая и раскинув длинные руки.

Это Баба-дурачок. Так и хочется сдвинуть ему на нос шапку, а то, пожалуй, съедят беднягу совсем мухи: до того облепили все лицо, красное, словно перезрелый гранат.

К тутовнику крадется Багир, трясет Бабу за рукав рубахи и шепчет на ухо:

Багир. Баба, проснись, слушай, что я тебе скажу.

Баба. Хабарда, бур-буру, чмин-чи-мана!

Вот какую чепуху несет со сна Баба-дурачок.

Багир. Слушай, Баба: хочешь, я тебе свой кинжал отдам; так дам, беш-кеш², в подарок? Хочешь?

¹ Шелковичное дерево.

² Подарок.

Баба сел, протер глаза. Ушам не верит. Хоть и дурачок, а знает про Багирову жадность.

Багир. Дам тебе кинжал, будешь с ним лезгинку плясать, как джигит...

Баба. Кинжал? Очень хорошо! Совсем лучше! Баба должен лезгинку танцевать с кинжалом, как джигит-мжигит. Пах-пах-пах-пах — зурна¹ играет, Баба пляшет. Давай скорей кинжал!

Багир. Нет, постой, сперва ты мне одно дело сделай!

Дурачок Баба, всякий его обмануть может. Он хоть и вон какой верзила вырос, а не понимает, что хорошо, что худо. Что ни скажи, все делает, только посули ему беш-кеш какой-нибудь. И сейчас вон как кинжалу обрадовался, с земли вскочил, в ладоши захлопал, забормотал наяву уже: „Хабарда, бур-буру, чмин-чи-мана, ай-ах!..“

✱ ✱

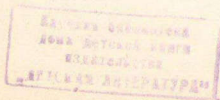
Если Джафар так легко, в припрыжку бежит по раскаленному песку, высоко поднимая ноги, чтобы не сжечь пятки, если так беззаботно отмахивается на бегу от назойливых мух, то верно и на совести у него легко, и на сердце весело.

Правда, ему ужасно жарко. Но ведь в садочке есть бассейн, вон там, рядом с колодцем, четырехугольный, белый, полный зеленой прохладной воды.

Вот и хоруз взлетел на край бассейна, стоит, с ноги на ногу переминается, на воду поглядывает. А это бабка Зара возле бассейна расположилась со своим каменным корытом и приготавливает дошаб². Вот приплясывает босыми ногами: это она мнет виноград; вот выжимает руками сок из оставшейся кожуры в ведро. Потом этот сок бабка Зара будет варить в дошабной

¹ Дудка.

² Виноградный мед.

299/197

печи, тут же, в саду, и выйдет славный темнокоричневый виноградный мед. А какие бабка Зара приготовит на нем маковники с орехами для своего Джафара! Объядение...

Ну вот, и жары как не бывало! Стоило только нырнуть в зеленую воду, зафыркать, завертеться в ней колесом. Только пить очень хочется! И Джафар облизывает пересохшие губы, глядя, как течет из корыта по жолобу в ведро виноградный сок, кисленький, холодный должно быть. Джафару так хорошо, что хочется всех выкупать в бассейне—и бабу Зару, и хорузу, и даже Багира, врага заклятого. Он и кричит из воды весело:

— Эй, вы, идите, я и вас окуну разок!

Но вот Джафар перестал барахтаться, прислушался.

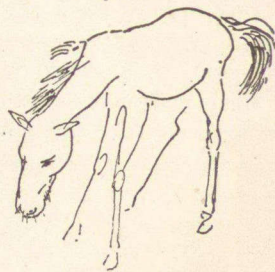
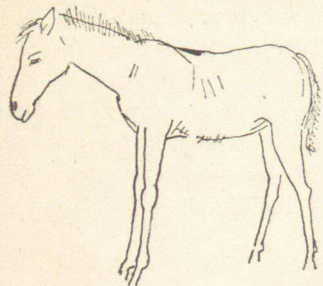
— Джафар! Оглан!¹ На бахчи поедешь? Ступай, собирайся живо! Коня оседлай!

Это кричит из дому отец Джафара.

Эх, ты! До купанья ли теперь? Поглядите, как обрадовался Джафар, как проворно выскочил из бассейна, будто в нем не прохладная вода, а кипятки налит. Как торопится натянуть штаны на мокрое тело, как весело поблескивают на солнце капли воды на его коричневой спине!

А с хорузом на радостях он завел такую речь:

— Прощай, хоруз, на бахчи еду! По-

¹ Мальчик.

нимаешь, с отцом на бахчи! За арбузами! Ай, хорошо! На коне верхом! Ай, спасибо! Степью по ветру! Хик-хик, хик-хик! Наплевать мне теперь на все — и на Багира, и на инжир его! Поедем со мной, хоруз! Не хочешь? Ну, ладно, сиди дома, сад стереги! Хорошо стереги, собака, слышишь? Кербалай! Ай-балай!

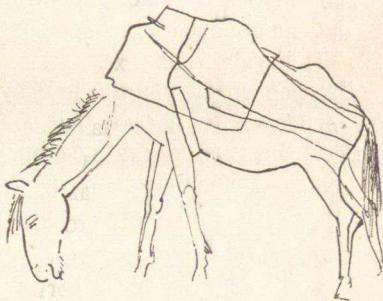
Прыжок перед самым носом у бабки Зары, и Джафар исчез в сарае.

* *
* *

И вот что случилось у каменного забора, пока Джафар седлал в сарае коня.

Ай, хоруз! Верный хоруз! Клюв штыком, гребень козырьком, шпоры на ногах, настоящий аскер¹. Вдоль забора шагает, врага подстерегает...

Смотрите, смотрите! Откуда вдруг взялся Бабá-дурачок, как это он попал в Джафаров сад? Верно через заднюю калитку, что выходит к морю. И что он делает здесь с длинной тонкой веревкой? А чувяки? Чьи там чувяки краснеются на заборе и з-за дерева? А петля? Что за петля внизу, в Джафаровом саду, маленькая, из тонкой веревки?

Бедный хоруз! Он запутался одной ногой в петле. Напрасно кричит тревожно: „Ко-ко-ко-крр-р...“ Веревка не пускает его, держит крепко. Вот хоруз клонул себя в ногу со злости, вот заскакал на месте, тряся красным гребнем. Напрасно! Ничего не помогает!

¹ Солдат.

Нет! Стойте! Не даром же он хоруз! Первый на всем Каспии, храбрый, умный петух-стерегун.

Он сразу заметил вверху, на заборе, красные чувяки. И тут уж не стерпело хорузово сердце, учуял врага. Изловчился, дернул ногой раз, другой, вырвалась веревка у Бабы из рук. А петух взмахнул крыльями да вместе с петлей на забор, а оттуда к Багиру на голову. Полетел мех клочьями с нарядной шапки. И ничего бы не осталось от нее, да, пожалуй, и от самого Багира, если бы не поднял он с перепугу визг:

—Хоруз, менелюм, дорогой, отпусти! Поджалста, отпусти! Это не я, ей-богу, валла¹, не я, это Баба-дурочок!

И если б этот визг не услышал из сарая Джафар, и если б не бросил поводья и не прибежал бы на помощь,—не слобровать бы Багиру.

Джафар сразу увидел и Бабу, слуру отплясывающего внизу под деревом, и петлю на земле, и Багира с хорузом на голове. Чуть со смеху не лопнул Джафар, да, видно, понял, что плохо дело Багирово, и вот уж он на заборе, разнимает врагов. Насилу оттащил хоруза, так крепко вцепился петух в Багирову шерсть.

—А поделом тебе, жадина! Хитро задумал: чужую башку под беду подведу, а со своей в сторонку отойду! А только у моего хоруза глаз зоркий—не промахнется!

Ну, ладно! Хорошо, что хоть кончилось все благополучно. Правда, от Багировой шапки одни перья остались, зато сам Багир ноги унес, и не только ноги, но и красные чувяки на них.

¹ Ей-богу.

И еще прибыль: кинжал в серебре Багиру остался. Не отдавать же его Бабё-дурачку, так, задаром...

А теперь поглядите на хоруза, каким он героем стоит на заборе, рядом с хозяином со своим, гребнем победно потряхивая, и скажите по правде: видали вы другого такого петуха-молодца на свете?

Только по правде...

Три дня

I

Вчера над Баку прошел сильный норд. Он засыпал мелкой пылью улицы, желтые чахлые акации, забивался в рот и скрипел на зубах у прохожих, а теперь вот утих, уgomонился, умчался куда-то, может быть за далекие песчаные степи; а на его место пришел другой ветер: ласковая, теплая моряна с приторным морским запахом. В Баку и всегда так, — один ветер сменяет другой...

Жаркий сентябрьский день. Узенькая улочка в крепости. Двум арбам не разойтись, если встретятся здесь. На углу старый тюрк с крашеной бородой, в грязном фартуке, разложил на лотке сласти. Целый магазин!

— Алваси! Алваси! ¹

У проходящего мимо маленького тюрка потекли слюни. Что купить? Маковник, облитый дошабом? Кусок белой липкой косхалвы? Или, может быть, фунтик с жареным миндалем? Нет, лучше вот этот ломоть чурчхелы, розовый, обсыпанный сахарной пудрой, с орехом в серединке.

Тюрка зовут Рза. Ему десять лет. С виду он просто молодец. Крепкий, складный. Из-под каракулевой шапочки глаза сверкают, как штыки на солнце, а брови смело разбегаются над переносицей двумя лесными тропинками.

¹ Так в Баку кричат уличные продавцы сластей.

Рза не помнит ни матери, ни отца. Но зато у него есть господин доктор и тетя Шуша. Они взяли Рзу маленьким тюрчком, и вот вырос он у них таким молодцом, господину доктору помощником. Рза умеет все: и приемную убрать, и больного в кабинет вызвать, и инструменты прокипятить. Рза учится в русской школе; он, когда вырастет, тоже будет доктором.

Рза взял с лотка чурчхелу и полез в карман за деньгами. Но откуда вдруг взялся маленький армяненок в картузе, надетом задом наперед? Для важности, что ли, он так его напялил? Зачем это он дрыгнул ногой? Может в одну ножку играть собрался?

Бац! Лоток слетел с подножки прямо в пыль.

Алваси! Алваси! Белая аппетитная кос-халва! Розовая чурчхела! Бедный старый алваси! Напрасно стараешься. Не оттереть тебе пыли с твоих сластей грязным фартуком.

А армяненку нипочем, стоит да посмеивается.

— Так тебе и надо, персюк! Так тебе и надо!

Обозлился тюрк. Хватил мальчишку кулаком в грудь, завизжал.

— Мурдал! ¹ Собака! Зарежу! Армяшка соленый!

Рза стоял и глядел то на одного, то на другого.

Хорошо бы и самому влезть в драку. Армяненка проучить. Такой убыток! Худо сделал мальчишка. И у тюрка глаза ненавистью налились. „Гололобий персюк!“ „Армяшка соленый!“ Будто не все равно, что армянин, что русский; а только мальчишку проучить все-таки надо. Такой убыток!

Рза засучил рукава и шагнул к армяненку. Вдруг вверху что-то грохнуло и раскатилось в воздухе.

Будто камень сорвался с горной вершины и ухнул в море. Воробьи стаей шарахнулись с акации, несколько человек побежало вдоль улочки. Армяненок в картузе тоже пустился удирать.

¹ Поганый.

Один только продавец не спеша собирал с земли пыльные сласти и приговаривал:

— Вот уже близко, близко совсем упал снаряд. Скоро турки будут в городе.

Рза бегом пустился домой. Он не боялся. Дело не в том. Он привык уже к этой пальбе за последние два месяца. Но сейчас снаряд упал совсем близко, в городе; через минуту может разорваться еще один. Попадет вдруг в квартиру господина доктора, убьет его и тетю Шушу. От бега и тревоги у Рзы спирало дыхание в горле и пересохло во рту. Вот-вот загремит опять. Скорей бы быть дома, скорей бы добежать!

II

Вот и дом, серый, трехэтажный. И железная дощечка у ворот:

ЗУБНОЙ ВРАЧ
ЧИКНАВЕРОВ

Все на месте. Кажется, ничего не случилось. Рза взбежал вверх по лестнице. В приемной стоял господин доктор в белом халате, спокойный, седой, в очках. Вокруг него столпились больные, говорили, перебивая друг дружку:

— Осада... турки... опасно...

Тетя Шуша увидела Рзу, запыхавшегося, бледного, и закричала:

— Что ты? Что с тобой? Тебя ранило, что ли?

Потащила в кабинет, уложила на клеенчатую койку, поила водой. Сустила, хлопотала кругленькая добрая тетя Шуша. Пришел доктор.

— Я говорила!—крикнула тетя Шуша.—Я говорила, отец, не надо было посылать мальчишку так далеко.

Доктор поглядел на Рзу поверх очков. Подержал пульс.

— Да ведь ничего не случилось. Чего ты кипятишься? Такому молодцу что сделается? — И щелкнул Рзу по макушке.

Приема у господина доктора в этот день так и не было. Больные разошлись. Бор-машина не жужжала в кабинете, Рзе не нужно было помогать господину доктору: ни раздавать номерков больным, ни менять воду для полоскания, ни подавать маленьких блестящих ножичков, щипчиков и склянок с матового вертящегося столика.

Тетя Шуша не пошла на уроки; все было не так, как всегда.

А за обедом, когда ели плов без баранины и сухие галеты вместо хлеба, господин доктор сказал:

— Рза, после обеда ты поможешь мне перенести тахту в подвал, а ты, Шуша, собери кое-какие вещи.

— Зачем это, господин доктор? — спросил Рза.

— Затем, что этой ночью турецкие снаряды будут прыгать по нашей крыше. Понял?

Господин доктор откусил галету и сказал еще:

— И раскрошат наш дом вот так.

Господин доктор раздавил пальцем галету, и Рза сразу увидел, как это будет.

— Понял, — сказал Рза, но сам подумал:

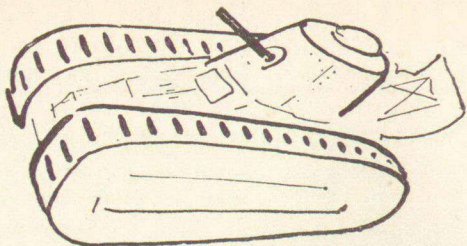
„Только в подвал-то уж я не полезу. Не-е-ет...“

III

Так начались эти памятные всем три дня.

К вечеру весь дом перебрался вниз. Рза как решил, так и сделал: остался наверху. Что он за трус такой? Сидеть в подвале и не видеть войну? А кто будет стеречь квартиру? А докторский кабинет так и оставить? Ну, уж нет! Пожалуйста!

Наверху было пусто и тихо. Большие стенные часы в приемной стояли. На них было без двадцати минут два. На круглом столе лежала раскрытая тети Шуши книга. По ней прохаживался рыжий докторский кот Саман и, подняв хвост столбиком, жалобно мяукал.

Рза спокойно ходил по комнатам и, как всегда, делал свое дело. Спокойствию он уже давно выучился у господина доктора.

После норда много было работы. Норд ведь пробьется в каждую щелочку, все покроет тонкой, будто пепел, пылью. Рза легко шаркал щеткой по полу и слушал, как гудело над домом. Иногда он выходил на балкон и глядел вниз. Улицы были пустынные и тихи. Жители забились в подвалы. Только снаряды, свистя, отплясывали в вышине.

На другое утро Рза рано проснулся от пальбы. Гул стоял такой, какого Рза никогда не слышал. „Верно, совсем близко, — подумал Рза: — уж с Чемберкенда¹ палят“.

С треском распахнулась дверь, и в приемную вкатилась тетя Шуша. Круглая, чернявенькая, суетливая тетя Шуша.

¹ Кладбище в Баку.

— Изволь сейчас же вылезать отсюда, пока не было беды, — забулькала она, как кипятик в котелке. — Сию минуту, отец велел.

Рза покачал головой.

— Я не пойду, тетя Шуша, как хочешь, не пойду.

— Тебя убьет здесь, отчаянная голова!

— Я не боюсь. А раз не боюсь, то и не убьет.

— Слушай, Рза, — начала было тетя Шуша, но Рза перебил ее:

— А квартира? А бор-машина? А инструменты?

Тетя Шуша всплеснула короткими ручками.

— Инструменты! Он еще думает об инструментах! Олух!.. Ишачья голова!.. Турки на носу, а он... — Тетя Шуша не договорила.

Вверху, совсем, совсем близко грохнуло так, будто крыша раскололась над головой. Рза невольно присел и выронил щетку, тетя Шуша втянула голову в плечи и бросилась к двери.

В окнах стало вдруг темно от дыма, Рза подбежал к балкону. Угол каменного пола и кусок решетки отбило снарядом, и оттуда шел дым, как кровь из раны.

„Ай, славно его отщелкнуло!“ — подумал Рза, но сердце у него тоскливо екнуло.

Рза вышел на балкон. Утро было раннее. С Чемберекендской горы потихоньку сбегала ночь, ползла по пустой улице и исчезала в море. А из-за моря, спокойного, ласкового, солнце понемногу выставляло рыжеватую голову. Орудия больше не стреляли, настала странная тишина.

И вдруг Рза увидел внизу людей в военных рубашках, с винтовками в руках. Они, как ночь, сбегали с Чембере-

кендской горы, бежали по улице и на бегу отстреливались из винтовок. Это были турки, и Рза сказал:

— Значит, война кончена, турки в городе.

IV

Внизу, в подвале, люди жались к своим пожиткам. От бессонных ночей и тревоги лица у людей позеленели. Только у маленького сына дяди Погоса щеки были оранжевого цвета. Он преспокойно ел тыквенную кашу и размазывал ее ложкой по щекам.

Все эти люди были армяне: и господин доктор с тетей Шушей, и дядя Погос — сапожник, и бабка Елена—та, что берет в переделку ватные одеяла, и много еще других. Они слышали страшный удар, от которого рухнул угол докторского балкона. Дядя Погос как раз в эту минуту нес воду в стакане. От неожиданности он выронил стакан. Вода расплескалась по полу, но стакан не разбился.

— Плохая примета,—прошептала бабка Елена, качнув седой головой.—Нужно разбить стакан, чтобы не случилось несчастья.

— Брехня!—махнул рукой дядя Погос.—Бабы враки.

Но бабка Елена выхватила стакан и бацнула об пол.

— Вот тебе, проклятый!

В подвал вбежала тетя Шуша.

— Его убьет там, наверху!—закричала она.—Я ничего не могу поделать с мальчишкой. Иди хоть ты, Погос, приведи его.

Дядя Погос и сам собирался идти за мальчиком: ведь он,

как и все в доме, любил Рзу. Он пошел уже к выходу и вдруг остановился: в воротах слышались громкие голоса, раздался выстрел, и кто-то сильно застучал по решетке.

— Турки!— охнул дядя Погос.— Пропали мы!— Кинулся назад, схватил сынишку и загородил собой. Господин доктор встал и спокойно поверх очков глядел вперед. Тетя Шуша кусала дрожащие пальцы. Все, притихнув, ждали...

— Отворяй, ит оглы¹. Давай сюда армян! Если не откроешь, дом разнесем!

Кучка людей ломилась в ворота, кричала и стучала прикладами винтовок о тяжелую решетку.

А у Рзы, стоящего на балконе, мысли пулями скакали в голове. Он ждал, сжимая руки и закусив губу, и вдруг кинулся с балкона в прихожую, а оттуда по лестнице вниз. Сколько ступеней в трехэтажной лестнице? Может быть шестьдесят, а может быть и тысяча. Сколько времени нужно, чтобы пробежать их? Может быть минута, а может быть и целый час.

Через минуту Рза стоял во дворе, у ворот, перед железной решеткой. За воротами кричала и волновалась кучка озверевших людей. Рза стоял совсем, совсем спокойный, прижимая руку к груди, где, как сумасшедшее, колотилось сердце.

— Аскеры! — сказал он по-тюркиски твердо. — В этом доме нет ни одного армянина, клянусь Аллахом! Я не стал бы скрывать.

Аскеры недоверчиво топтались на месте. Один крикнул:

— Нечего там, отворяй ворота! — и заколотил кулаком по решетке.

Но Рза будто и не слышал его.

— Ох, если бы мне дали винтовку, я бы перестрелял их, как зайцев...

— Они и есть зайцы, трусы соленые.

— ... и хотя бы один кинжал, чтобы переколоть их.

Аскеры засмеялись.

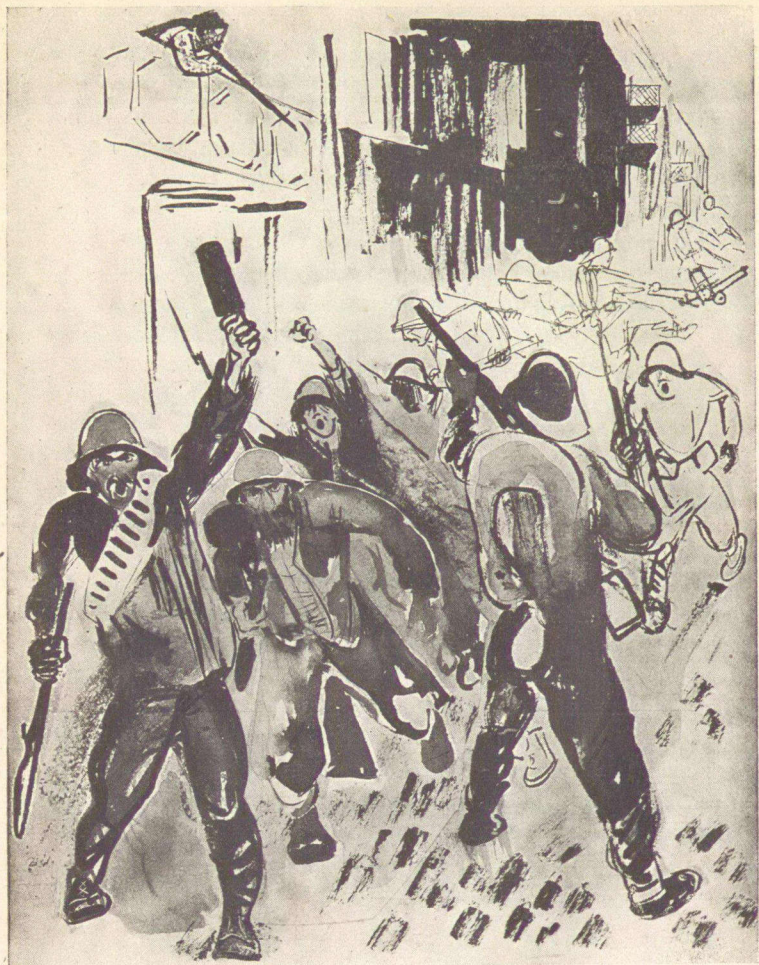
— Ай, баранчук, молодчина! Башим яхши!²

Кажется, они собирались уже уходить, как вдруг Рза заметил в толпе знакомое лицо. Ну, конечно, это Гуссейн — фруктовщик,

¹ Ругательство.

² Хорошая голова.

тот самый, у которого господин доктор раньше покупал зеленую сабзу¹, урюк² и жареные фисташки. Гуссейн—карлик, крохотный урод. Он знает, что господин доктор—армянин, что Рза живет у него, сейчас он погубит все. Еще минута, и он увидит Рзу. Нужно что-то сделать. И вдруг Рза взмахнул руками, будто нечаянно пошатнулся, и упал лицом на железную решетку ворот.

Толпа попятилась.

Из носа у Рзы хлынула кровь. Он сорвал с головы шапку и прижал к лицу. Пробормотал заглушенным голосом:

— Чортова голова! Закружилась...

Потом на минутку отнял шапку, показал окровавленное лицо и снова быстро закрылся. Один аскер махнул рукой.

— Ступай нос заткни паклей, а то худо будет.

Другой вытащил из кармана тряпку и протянул Рзе:

— На, вытрись.

Третий сказал:

— Идем, аскеры, мальчишка не врет, ей-богу, не врет, сразу видно. Отпустим его.

Толпа еще немного нерешительно потопталась у ворот и пошла дальше, крича и размахивая винтовками. И только когда аскеры были уже далеко, Рза прислонился к воротам, прижав к холодной решетке горячий лоб... По лицу его текла кровь, но сердце радостно дрожало в груди.

Три дня спустя банды оставили Баку. Грабеж и бойня кончились.

Тетьа Шуша, господин доктор и Рза стояли на балконе и глядели вниз. По улице с музыкалой стройными колоннами проходили турецкие войска. Они пели:

Ирали, ирали,
Азербейджан аскери!³

¹ Изюм.

² Сушеные абрикосы.

Вперед, вперед, азербейджанские солдаты!

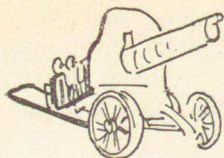

С балкона им хлопали в ладоши и кричали „ура“. И Рзагядел на них, но он не хлопал в ладоши и не кричал „ура“. Ему не было весело — может быть потому, что за эти три дня он слишком много тяжелого видел, а может быть и по другой причине.

Кто знает?!

Ночь в Атешге¹

— В царстве Ширвана, на море Хоросанском, близ Бабуль-абвава, лежит город Баку. В нем под землею залегла нефть, глубоко, и нигде на свете (бог хорошо знает!) нет белой нефти, кроме Баку.

Полный месяц выкатился из-за облака и водяным пузырем повис над темным двором. Из темноты выплыли пять смуглых ребячьих лиц и сухая, как корабельная мачта, фигура старого тюрка с четками в руках.

Юркая, чернявенькая Сиранушка, словно косточка из чернослива, выскочила вперед и дернула старика за рукав:

— Что такое — бог хорошо знает? Расскажи, пожалуйста, Мехтиша... Очень интересно!

— Белая нефть? Что за белая нефть? Никогда не слыхал! — сказал Ашот, хмурия сросшиеся брови на серьезном лице.

— Рассказал бы про то, что было двести лет назад. Ты наверно помнишь, Мехти? — сказал Костя Крупкин, озорник: кепка на затылке, руки в кармане.

— Не рассказывай про самое страшное, — прошептала маленькая Зулла и сунула в рот тоненькую косичку.

¹ Храм огня в поселке Сураханы, близ Баку.

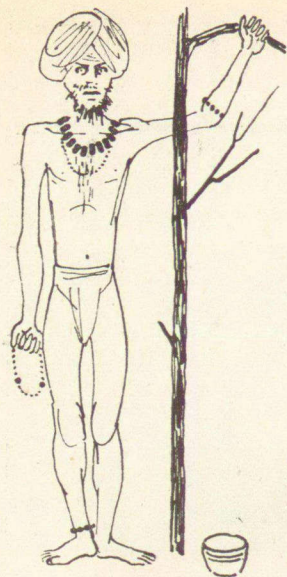

Только хромой Аслан, внук Мехти, самый старший из ребят, молчал. Он стоял поодаль, перекладывая из руки в руку костыль. Но Мехти не слушал ребят. Он был стар и глух. Он говорил сам с собой:

— Да... Было место... место вечных огней — Гава... И не даром индусы, потомки древних Гебров, воздвигли здесь храм Ормузду, богу огня. Назывался тот храм Атешкой... В нем приносились жертвы, совершались подвиги веры в честь великого бога, бога огня.. Разве это не подвиг?.. Десять лет простоять на месте, обняв праведной рукою древесную ветвь?.. Или, как

те три индуса, что сошли в подземелье, постом и молитвой иссушили тело и обратились в скелеты для спасения души...

Ребята молча слушали. Сиранушка, забыв закрыть рот, глядела на Мехти, а маленькая Зулпа прижалась к Сиранушке и даже перестала грызть косичку.

— Да... величав был огонь в храме... Он вылетал из трубы над кровлей, он был голубоватый и виден издалека. Ты стар, Мехти, ты знаешь. Огонь этот вечен, он начался с потопа, он кончится с концом света, священный огонь Атешги в Сураханах... И теперь, говорят, часто вылетает он из земли храма... и слепнет тот, кто видит его.

Мехти смолк... уронил на колени руки, опустил голову. Теперь, при свете луны, он походил уже не на корабельную

мачту, а на скелет из подземелья Атешги.

Ребята молчали.

— Чего вы? — фыркнул Костя Крупкин. — Скелетов испугались? Да они уж высохли все давно, и косточки шакалам на закуску пошли.

Аслан, все время молчавший, сказал:

— Кто смеется над верой, худо тому будет...

— Все это враки, — сказал Ашот. — Огонь! Какой такой огонь? Наверно нефть горела. Очень просто.

Костя свистнул.

— Шутка ли! По десяти лет за дерево держались. Для спасенья души! Бездельники были, вот и держались.

— Как у них, верно, руки потом болели! — пискнула Зулпа и спряталась за Сиранушку.

— А съездить бы поглядеть на Атешгу на эту; может и сами в святых очутимся, — сказал Костя.

— Аллах накажет вас, вот что, — сказал Аслан. — Не рассказывай им, дед, не надо, они смеются над тобой. Сейчас урза¹... грех...

— Иди ты со своей уразой! — крикнул Костя Крупкин. — Живот подводит, зато душа спасается? Так, что ли? А на шашлык сегодня зачем слюни распускал?.. Праведник...

— У нас в школе вчера на уроке Карибку Мамедову вырвало, — сказала Сиранушка. — Учительница говорит — от голода: зачем уразу держала... А после доктор живот ей помял — совсем пустой, как... как... мячик. Вва!

— Мячик не пустой, — сказал Костя Крупкин: — он с воздухом.

— Во-во-во, я тоже говорю: и у Карибки живот с одним только воздухом после уразы.

— Аллах накажет, Аллах накажет, — твердил Аслан. — Скоро байрам, смеяться над верой опасно.

— А верить не опасно? — спросил Ашот. — Из-за твоей веры, помнишь, какая беда вышла прошлый год?

— Какая беда? Что? Как? Расскажи, — пристали ребята.

— Да вот: тоже в Курбан-байрам было. А у них, у тюрков, обычай такой: в луну в этот день палить.

— Как палить? Из чего? — спросила Сиранушка.

— Из пустой бутылки, — объяснил Костя.

— Из револьвера, из винтовки, из чего ни попало... — сказал Ашот.

— Ну?

¹ Пост у магометан.

— Ну, Аслан и пристал: пойдем да пойдем вместе на Чемберекенд. Стрелять с горы будем вверх, увидишь, как интересно. Ну, я и пошел. Собаку соседскую, Решту, с собой взяли для храбрости. Аслан у отца револьвер унес... Пришли... Ночь... Кругом могилы... жутко... Аслан в луну нацелился — ббах!.. Пуля—взвы!.. Над самым ухом... Куда летит, не видим... Смотрю, Решту с ног сбило; голова в крови, на земле кровь... Наповал... Вот тебе и вера твоя шалтай-балтайская!

— Ц-ц-ц-ц! — закачала головой Сиранушка.

Ребята притихли. Месяц укатился к морю. Стекла чешуя галлереск, окружавших двор, погасла, от ребячьих ног легли длинные, как ходули, тени. Мехти поднялся, и тень его снова стала похожа на мачту.

— Пора спать,—сказал Мехти и строго чекнул четками.

Ребята стали расходиться.

У своих дверей Ашот долго шептался о чем-то с Костей.

— Значит, завтра,—сказал Костя, — в восемь у колодца.

— Да, и смотри — никому ни слова...

— Да уж понятно... чего там!..

Дверь за Ашотом закрылась. Все затихло.

Но сейчас же в тишине о землю слабо стукнул костыль, и голос Аслана сказал:

— Никому ни слова! Не бойтесь! Аслан слышал, Аслан знает, он покажет вам, как смеяться над верой, будете помнить...

* * *

Хороша осень в Баку. Душистая, вкусная, бодрая. С желтыми антоновскими яблоками на лотках, с дымящимися в жаровнях каштанами, с легкими дождями и неизменным запахом нефти и моря. Бодрым, ясным утром кучи школьников спешат по ули-

цам Баку с сумками и свертками в руках. Рано вышел сегодня из дому Ашот; на углу Шемахинки догнали его Костя Крупкин с Сиранушкой. У Кости за румяными щеками вкусно хрустела булка, и кепка, как всегда, висела на затылке.

— Ну, так как же? — сказал Костя и сунул под мышку пuzзатый сверток с книгами. — Едем?

— Ку-ку-ку-да вы едете? — спросила, забегая вперед, Сиранушка.

— Нельзя. Это тайна, — сказал Костя.

— Мне сказать не можете? Вва!..

— Ни тебе и никому. Нельзя.

— Пожалуйста, не говорите! — обиделась Сиранушка. — Сама догадаюсь. Буду итти и думать... буду думать, думать, думать, пускай башка треснет, не жалко, зато догадаюсь.

Ашот улыбнулся:

— Догадаешься, — молодец-холодец будешь!

— Скажи, Ашот, джан¹, золотой! Если тайна, я никому ни пол-слова, молчать буду, как, как... самовар...

— Самовар не молчит. Он шипит, — не слыхала разве?.. Пусти, рукав оторвешь!

— Ашот!

— Ну?

— Скажи-и...

— Сказать ей, Костя?

— Говори.

— Ну, очень просто. В Сураханы едем, в храм огня, сегодня ночью, с ним вот. Поняла?

— Ту-ту-ту-да, в подземелье, к скелетам?

— К ним самым. Ну, и смотри... тсс... молчок!..

---

¹ Милый.

— Не-не-не! — Сиранушка заколотила себя в грудь кулаком. — Убей меня на месте! Поклянись, хочешь?

— Клятвы там еще! Просто слово дай,—и все.

Помолчали.

Сиранушка робко сказала:

— Может и меня с собой возьмете?

Костя закричал:

— Еще чего? Никаких девчонок! К чертям!

— А по-моему, пускай едет, сама увидит, что никаких огней нет, и Мехти ерунду рассказывал.

— Ну да, ну да, ерунду, сама знаю, что ерунду, и вам, ребята, не помешаю, ей-богу, не помешаю; буду незаметная, как, как... воздух.

— Ладно, едем. Только поменьше божилась бы. А то ведь школьница!

Ребята подошли к школе. Распахнулась дверь, дохнула на улицу теплом, грохнула гулом голосов, топотом ног и звоном колокольчика и снова захлопнулась за всеми тремя.

Вечером молча шли к трамвайной остановке. Говорить было нельзя. По улицам носился норд, швырялся в лицо пылью и не давал открыть рта. Но в городе все было, как всегда. Электрические искры летели по трамвайным проводам вперегонку с ветром, рев бури заглушал авто-

мобильные рожки, а прохожие загородились от пыли слюдяными очками и шагали наперерез ветру.

За городом, в степи, норд яростно накинулся на вагоны электрички. И Сиранушка несколько раз уверяла, что: „Ей - богу, сдует, вот увидите, сдует вагон, как, как... порошок“. Но поезд мчался, а мимо окон светляками летели городские огни, и бежали высокие, темные нефтяные вышки.

На станции Сураханы ребята выскочили из вагона и зашагали влево.

Пересекли рельсы и попали на большой двор. Шли в темноте, молча, как вдруг Сиранушка закричала:

— Ваай! Чуть не свалилась! Тут дрова какие - то навалены.

— Тш! — сказал Ашот. — Трубы это, а не дрова, видишь, по всей земле. Это промысел, вот и вышка. Мы, значит, верно идем...

Ребята обогнули вышку, прошли через калитку и поднялись по ступенькам на кровлю узенькой галлерей. Галлерей стеной огибала большой пятиугольный двор. Луна светила слабо. Казалось, норд вот-вот и вовсе задует ее, как керосиновую лампу.

И при этом свете ребята сверху увидели невысокие серые стены Атеши, священного храма огня. На кровле храма виднелся небольшой купол и над ним покривившаяся палка с трезубцем. По узенькой кровле ребята обошли всю галлерею и попали в башенку с навесом и земляным полом. Костя выглянул наружу.

— Гляди - ка, колодец, — сказал он. — Может это как раз вход в подземелье?

— Ну, нет, не думаю, — сказал Ашот. — Отсюда, верно, огонь у них выходил. Вон и труба над крышей; видно, тоже для огня... Видишь?

В углу двора, недалеко от колодца, приютилось деревцо. На-летел норд, засвистал в сухих листьях, захрустел костлявыми ветками.

— А страшновато все же,—сказал Костя.—Вдруг и вправду увидим огонь да и ослепнем враз...

— Да, тебе смешно, а во мне все поджилки перевертываются,—сказала Сиранушка.

— А ты помалкивай... а то скелетов всех перебудишь. Покажут тебе. Во-он уж один идет.

— Ой!—взвизгнула Сиранушка.—Не пугай! Ашот, скажи ему, зачем пугает...

И вдруг внизу, по левую сторону колодца, вспыхнул огонь. Он мигал и красным лоскутком полыхал на ветру.

— Ай-вай! — закричала Сиранушка.—Глядите, огонь! Ей-богу, огонь, то-го-тот самый...

Костя сдернул с головы кепку.

— Ашот, что это? Откуда огонь? Гляди-ка!

Ашот согнул над глазами лопаткой ладонь... вгляделся.

— Костер, наверное,—сказал он.—Какой же тут еще огонь может быть?

— Ко-о-остер! Во догадался!.. С промыслом-то рядом?.. Отец говорил, у них на промыслах курить не разрешают, а ты... костер... тоже!..

— Ну, так что же тогда? Я не знаю. Идем вместе, поглядим, в чем дело.

— Золотые, дорогие, не ходите!—взмолилась Сиранушка.—Что теперь с нами будет? Умрем мы здесь все, как... покойники... А я матери не сказала... Лучше бы не ездил-и-или...

— Да погоди ты, причигальщица! — цыкнул Костя.—И так тошно.

— Ну, идем, что ли,—сказал Ашот.

— И ты пойдешь, скажешь?

— А что же, и пойду.

— Один?

— Один.

— Заливай!

— А вот пойду!

— А вот не пойдешь!

— Это ты трус, а мне...

— Ой, братики, помогите! — завизжала Сиранушка. — Скелет! Вон там, у огня. Смотрите! Пропали мы, пропали!

Мальчики повернули головы, и оба сразу попятились назад: над огнем, скрючившись, белела какая-то фигура с высоко поднятой рукой.

Ашот крикнул:

— Эй, ты, там! Опустит руку!

„Скелет“ не шевельнулся.

— Слышишь, опусти руку, тебе говорят! Стрелять буду!

Рука качнулась, но не опустилась.

— Ой, не надо! Ашот, джан, не надо, не стреляй! — взвизгнула Сиранушка.

— Да постой ты! — шепнул Ашот. — Из чего я стрелять буду? Ружье у меня есть? Сообрази!

А громко сказал:

— Костя, заряжай винтовку. Живо! Раз, два, три! Пли!

В ту же минуту скелет сорвался с места и бросился наутек. Ашот с Костей кинулись вниз по ступенькам наперерез „скелету“, сбили его с ног, и Сиранушка собственными глазами, круглыми, как пятаки, на позеленевшем лице, увидела барахтавшегося на земле Аслана.

Он отбивался, но Ашот с Костей скрутили ему руки и повернули лицом к огню.

— Это что? — Ашот ткнул пальцем в огонь.

— Жа... жа... жаровня.

— А зачем?

Аслан молчал,

— Это он грелся,—объяснил Костя.—Вишь, скорежило совсем с холода.

— Пусти руки,—сказал Аслан.

— Нет, скажи раньше, что ты здесь делал?

— Не стану говорить.

— Чего делал? Просто, обморочить хотел. Увидят, мол, „огонь священный“, да так и уверуют... враз...

— Аллах зажигает священный огонь Атешги,—сказал Аслан.

— Аллах?!—Ашот выпустил Асланову руку.—А нефть в твоей жаровне тоже Аллах зажег? А скелетом вырядился тоже все Аллах?

— Делать твоему Аллаху нечего,—сказал Костя.

— Не так еще вас напугать надо было, богохульники!

— Ну, мы не из пугливых,—сказал Ашот.—И в огни твои тоже не верим, потому что никаких огней больше нет,—сами увидели.

— Были огни, да сгасли, фью! — свистнул Костя.

— А куда же они делись, по-вашему? — спросил Аслан.

— Куда? А мы почему знаем — куда!

— Скелет! Балахон-то ты этот где подцепил?

— Костенька, да это скатерть! — пискнула Сиранушка.—Ви-дишь, с бахромкой.

Аслан разозлился.

— Да чего вы пристали? Скатерть! Ну и скатерть! А вам что?

Он связал в узел жаровню, подхватил костыль и заковылял к станции.

— Куда ты? — крикнул Ашот. — До утра ведь поезда нет, вместе поедem.

— Огнепоклонник...

*
*
*

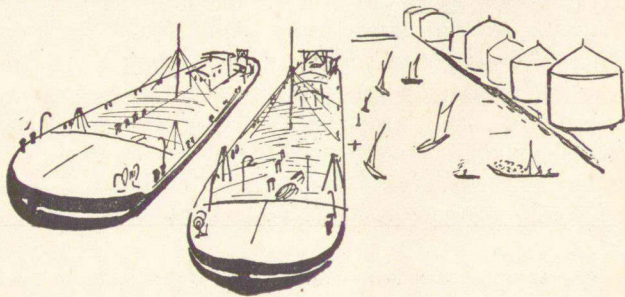
Утро, свежее, крепкое, как антоновское яблоко, поднялось над Атешкой, над спящими на земляном полу башни ребятами.

Утро загасило ночное электричество, загуделo фабричными гудками, задымилo трубами, вышками.

Седьмой промысел проснулся, зашевелился, загудел. Черные, закопченные рабочие с жирными от нефти руками закопошились возле вышки. И сейчас в этой вышке, деловитой и высокой, все суеилось возле скважины для того, чтобы достать глубоко из-под земли густую, пахучую нефть...

— А вечные огни? — спросишь ты. — Почему они горели когда-то? Почему погасли теперь?

Если кто-нибудь скажет тебе, что это были просто нефтяные газы и что когда-то они выходили из земли и легко загорались в воздухе, то это будет сущая правда, как правда и то, что теперь эти газы уже не пугают человека; они отведены из земли в трубы и отопляют и освещают Баку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Али и Аруська 3

Петух-стерегун 12

Три дня 22

Ночь в Атешге 34

О Г И З — К Н И Г О Ц Е Н Т Р

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Д. МАМИН-СИБИРЯК

В У Ч Е Н Ь И. (Сокращено.) Рис. и обложка
В. Васильева.

Стр. 40. Ц. 10 коп.

Рассказ о мальчике, попавшем из деревни в город к сапожнику
в ученье.

Д. МАМИН-СИБИРЯК

К А Р А - Х А Н Ы М

Рассказ изображает быт голодающей башкирской деревни
дореволюционной эпохи.

М. ГОРЬКИЙ

Д Е Д А Р Х И П и Л Е Н Ь К А

Рисунки И. Мрочковского.

Стр. 46. Ц. 18 коп.

Рассказывается про нищего-старика Архипа и его внука Леньку, чуткого, вдумчивого 10-летнего мальчика. Про скитания деда и внука по Кубани и их мытарства. Про то, как дед, боясь, что он скоро умрет и что некому будет заботиться о слабеньком, беспомощном мальчике, копил для него собранные подаянием гроши и даже изредка воровал. Описаны страдания мальчика, узнавшего, что его дед—вор; его ссора с дедом; смерть старика-нищего.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ
КНИГОЦЕНТРА

299197

